
Дмитрий КАРАЛИС

ЗА ВСЕ БЛАГОДАРЮ! К 100-летию Д. А. Гранина

Даниил Гранин подарил мне двадцать лет дружбы.

В моих дневниках есть записи о наших встречах-разговорах. Еще больше — не записано, но осталось в памяти. Есть несколько интервью, которые Даниил Александрович дал в разное время, но с неизменным накалом мыслей и чувств.

Делюсь.

20 мая 1997 г. Открыли «Центр современной литературы и книги»¹ на углу уа-бережной Макарова и Биржевой линии.

В день открытия помещение со сводчатыми потолками и бронзовыми люстрами еще пахло краской.

Даниил Гранин сказал хорошую речь — книга, дескать, не умрет, Интернет ей не помеха, книгу можно взять на ночь в постель, а Интернет не возьмешь. Речей было много. Илья Штемлер назвал меня русским Соросом.

Знал бы он, сколько денег оставалось у меня на расчетном счете! Слезы — даже налоги не заплатить.

6 февраля 1998 г. Сегодня был в концертном зале «Октябрьский» на отчете Правительства Санкт-Петербурга о выполнении плана 1997 года. В отделе печати Раиса Владимировна Романова, которая работала еще в Союзе писателей, дала мне билет и спросила, не отвезу ли я после собрания Даниила Александровича Гранина домой. С удовольствием, сказал я. Мне хотелось поговорить с классиком о пассивности творческой интеллигенции и работе «Центра». А также вручить ему клубную карту.

Без пяти четыре подъезжаю к «Октябрьскому». Гаишник машет полосатой палкой, торопит высадку и отъезд автомобилей. Еще несколько милиционеров помогают ему создавать суету и ажиотаж, без которого немислимо появление высокого начальства. Темно-синие «вольво» вице-губернаторов, джипы финансовых магнатов, искрящийся в морозном воздухе мех шуб и манто. Останавливаюсь напротив входа, припускаю окошко и, дождавшись яростного взгляда замерзшего капитана, подзываю его жестом руки. Обалдев от моей наглости, он подходит.

Дмитрий Каралис — прозаик, сценарист, публицист. Родился в 1949 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский институт водного транспорта. Учился в аспирантуре. Член Союза писателей Санкт-Петербурга с 1992 года. Основатель и первый директор Центра современной литературы и книги (1997–2007, 2012–2014). Автор семнадцати книг прозы, лауреат пяти международных и общероссийских литературных премий. Основатель и главный редактор газеты «Литературный курьер» (1998–2004), обозреватель и колумнист «Литературной газеты» (2003–2014).

¹ Некоммерческое партнерство «Центр современной литературы и книги» (ЦСЛК), учрежденное в 1997 году писателями Дмитрием Каралисом, Александром Житинским, Борисом Стругацким и Ильей Штемлером через пять лет после пожара в Доме писателя на Шпалерной улице, приведшего к окончательной потере шереметевского особняка как места общения литераторов города.

— Приветствую! Я из Союза писателей. Где бы мне встать, чтобы потом увезти Даниила Гранина?

— Либо на Басковом, либо вон там, за углом, — сменив внутренний гнев на внешнюю милость, распоряжается он.

— Надо где-нибудь поближе. Не иди же потом пожилому классику по морозу.

— Ладно, вставай вот тут, за «скорой помощью».

Встал напротив главного входа. Уважают еще литературу!

После доклада сели с Граниным в машину. Едем. Адрес знаю.

Заговорил о собрании. Заметил, что в тезисах нет раздела «Культура» — он включен в раздел «Социальная сфера». Там упоминаются новые памятники Гоголю и Достоевскому, открытые в минувшем году. Посетовал, что хотел воспользоваться открытым микрофоном, но смутила очередь.

— А о чем, Дима, вы хотели сказать?

— Об общей идее. Про то, что наш великий город не должен оставаться без великой нравственной идеи. Сидели, как на партхозактиве — городское хозяйство, транспорт, жилье... Проблем много, но флаг — должен быть общий.

— В принципе генеральный план развития города есть... — неуверенно сказал Гранин.

— Я не совсем об этом... — и сказал, что давно хотел сказать Гранину. Про то, что происходит со страной, и про нашу пассивность. Ведь сейчас не тридцать седьмой год — чего мы боимся? Дети и внуки спросят потом: как вы допустили? Мы упрекаем тех, кто молчал в годы сталинизма, а сами? Почему молчит интеллигенция, молчат писатели — не выступают единым фронтом? Сказал про Толстого, который от отчаяния стал писать публицистику — напрямую обращаться к обществу...

— Ведь сейчас валовой национальный продукт составляет сорок процентов от того, что выпускалось в 1989 году. Нас поработают, пытаются стереть с карты мира...

— Да, — грустно сказал Гранин, — я был недавно в детских тюрьмах — ужас, ужас... Помолчали. Мне показалось, Гранин не готов с ходу братья за серьезную тему.

— Дизель? — Гранин кивнул на капот машины.

— Дизель! А вы в танке по какой части были?

Гранин сказал, что был командиром роты.

— Рота — это что в танковых войсках?

— Рота — это девять танков.

— Ого! Такая команда может взять штурмом город среднего размера.

Гранин скромно промолчал.

— У нас была рота тяжелых танков — «ИС».

— «Иосиф Сталин», — показал я свою осведомленность. — Их, кажется, с сорок второго года выпускать начали?

— С сорок третьего. До них «КВ» были.

— «Климент Ворошилов»...

— Да.

Хороший все-таки мужик Данила Саныч. Именно мужик. Иногда я представляю его в танке — ладный, убористый, в шлеме, с вылезшей на лоб челкой, спокойный внимательный взгляд — и не верю, что ему скоро восемьдесят.

— Работа в «Центре» у вас много времени отнимает?

— С утра до вечера. Часов в десять домой прихожу. В таком режиме уже больше года.

Гранин оживился, стал рассказывать, сколько времени и сил он отдавал Союзу писателей, когда был его председателем.

— Но хочу тебя предостеречь, — он неожиданно перешел на «ты». — Писатели всегда были пассивными в общественном плане! Ругать, осуждать — да! А создавать — единицы.

Я рассказал, как прошел последний вечер, где мы вручали клубные карты. И, вспомнив про них, торопливо вручил Гранину его карту у красного светофора. Извинился, что в такой обстановке вручаю.

— Писатель должен не осуждать, а понимать... — Гранин убрал клубную карту в бумажник.

— Да, «пахарь должен пахать», — процитировал я своего пассажира. — Но иногда нужно и кричать во весь голос. Кроме писателей, этого никто не делает. Одно дело, когда шахтеры стучат касками на Васильевском спуске в Москве, требуя зарплаты, и другое дело, если писатель вашего масштаба постучит авторучкой о стол и скажет власти: так нельзя, кончай безобразия!

— Если вы сделаете в «Центре» буфет, то народ, думаю, потянется. Водочки попить, повстречаться... А библиотеку Дома писателей туда разместить не удастся?

Я рассказал историю с библиотекой. Про то, как Чулаки перед встречей с губернатором попросил меня не заикаться о резервных площадях. Пусть, дескать, власть сама что-нибудь предложит.

Гранин задумался.

— Я поговорю с Мишей...

— Ведь там книги с автографами Чехова, Куприна... Из частных писательских собраний, которые они передали библиотеке Дома писателей... Камер-фурьерские журналы царей! Раритеты!

— Да, я поговорю с Чулаки, — повторил он обещание.

15 сентября 1998 г. Составляю план работы Центра. Вчера звонил Д. Гранину. Спросил, не хочет ли он провести в «Центре» свой творческий вечер.

— Дима, вы, наверное, заметили, что я не люблю этой шумихи... Ну что мне вечер? Если бы какой-то повод был — книга бы вышла... А так, я этого не люблю. Нет, спасибо большое, но не буду.

Я похвастался, что за лето почти закончил роман, 560 страниц.

— Каждый день как проклятый сидел с одиннадцати вечера до пяти-шести утра.

— Почему же как проклятый? Это такое удовольствие — работать!

— В общем, да, я снова почувствовал себя человеком, — пошел на попятный я. — Удовольствие от работы получал.

Я спросил, что он думает о создании в нашем «Центре» читальни для писателей.

— По-моему, это неплохо будет.

1998 г. 14 октября ходил по приглашению Гранина во Дворец Белосельских-Белозерских на общественные слушания «Россия во мгле: уныние или оптимизм?». Выступил Гранин — чувственно, проникновенно. Была видна боль за страну.

Гранину долго хлопали.

Потом началась хрень собачья. Бывший ректор Архивного института, мелькавший в телевизоре во времена перестройки — Юрий Афанасьев, — говорил непонятно о чем.

Зато куда понятней выразился некий Даниил — мальчик с длинными завитыми волосами: «Чем быстрее перестанет существовать эта страна, тем лучше будет для всех».

Он имел в виду Россию.

Некоторые даже заплодировали.

Гранин сидел, тяжело опустив голову, словно и не слышал сказанного. Может, действительно не слышал.

Ольга С. с Радио России, которой я сказал, что надо бы пойти и дать этому оратору в ухо, схватила меня за рукав: «Сидите спокойно, Дмитрий Николаевич, берегите нервы... Ему только этого и хочется».

Вскоре я ушел в гнев. Дожили! Фраза «Чем быстрее перестанет существовать эта страна, тем лучше будет для всех!» вызывает в центре Петербурга аплодисменты.

16 декабря 1998 г. Звонил Д. Гранину, предложил провести в ЦСЛК прием по поводу его 80-летия.

— Спасибо, Дима. Должен вам сказать, что вы трепетный человек.

— Спасибо, — сказал растерянно. Я не знал, как это понимать.

— Это действительно так, — настаивал Гранин.

Спросил про библиотеку — когда она начнет работать. Готов передать свои книги в дар. Сказал, что позвонит через пару дней, соберется с мыслями и даст ответ насчет юбилейного вечера.

17 января 1999 г. Справили 80-летие Д. Гранина.

Гранин пришел без опозданий. Это гости, как чудачки, тянулись минут сорок.

«Как вам удалось так хорошо обжиться?» — спросил Гранин, побродив по нашему «Центру».

Я рассказал о спонсорах, о помощи бюджета. Отдельно упомянул о домогательствах бывшего телевизионного комментатора К. на пачку зеленых за «неотделимые улучшения». Гранин быстро все понял. «А может, предложить ему подарить все это писателям?» — сказал. — Позовем прессу, телевидение. Скажем ему спасибо. Ему будет приятно».

Я обещал подумать. Идея простая и очень привлекательная.

Гранин с двух раз задул все восемьдесят свечек на праздничном торте размером с цветочную клумбу. Есть еще порох в пороховницах. Силен.

Была городская власть. Поздравляли в Белом зале, потом перебрались в буфетную, за бильярдной.

Гранин выпил полстакана водки. Остальные пили шампанское и коньяк.

...Сегодня утром позвонил Гранин и поблагодарил за «чудный, почти семейный» вечер. Звонил он в 13 часов. Я только проснулся, и он угадал мое состояние, извинился, что разбудил меня. Я соврал, сказал, что не сплю. Ночью мне вызывали «скорую», болело сердце, думал: инфаркт — оказалась невралгия. Сделали кардиограмму, сняли боли уколами.

Гранин сказал, что в «Центре» ему очень понравилось, обстановка раскованная, даже, дескать, представитель президента играл с писателями в бильярд...

А сегодня я начал читать его повесть из старых — «Обратный билет». О поездке в места детства, в Великие Луки. Трогательная вещь, до слез. Банально, но в каждом мужчине действительно живет мальчишка. И я увидел мальчика Даню Германа, бродящего с отцом-лесником по сосновой роще, и его маму, перешивающую шинель отца на курточку сыну. Детские воспоминания сближают...

Весь день прожил с тремя доминантами настроения: радостью, что вечер Гранина удался, впечатлением от его книги и тяжелым чувством досады за украденный писателями коньяк.

В детстве, в начале 60-х, я ходил с мамой в Книжную лавку писателей и помню, как она радовалась, что купила книгу Гранина с грозным названием «Иду на грозу». Мама читала ежедневно, начинала с утренних газет и заканчивала вечерним чтением книги у торшера. А за большим дубовым столом по вечерам тихо тряся от смеха отец — он читал Лескова, Джерома К. Джерома или О. Генри. Иногда он по нашей просьбе начинал читать насмешившую его фразу, но не мог дочитать до конца — махал руками, слезы текли из-под очков...

1 сентября 2000 г. Санкт-Петербург. Закончил вторую редакцию «Романа с героиней», размножил, раздал читать Даниилу Гранину, Борису Стругацкому и Борису Никольскому. Жду замечаний.

Еще до больницы получил замечания на «Роман с героиней». В целом толковые, доброжелательные.

Гранин сказал задумчиво по телефону: «Дима, поймите, любовь к жене и любовь к женщине — это разные вещи...» Ему, как я понял, не понравилось, что мой герой не переспал с героиней. Не все замечания учту, но кое-что пригодится.

Лето 2004 г. Ездил к Гранину в Комарово.

Сидели на большом крыльце его дачи, где стоят круглый столик, три кресла и диван. Рассказал о замысле повести про блокадных железнодорожников, про работу отца в «Коридоре смерти», о том, как открылся мне материал.

Гранин помолчал, проникаясь доставшейся мне находкой. Выяснилось, что о «Коридоре смерти» он слышит впервые. Он воевал на Ленинградском фронте, но в начале блокады, а потом отправился учиться в танковое училище. К тому же этот коридор, названный так самими железнодорожниками, официально называли «Дорогой Победы». А это совсем другое дело.

«Да, — сказал, чуть улыбнувшись, — это интересно». Я спросил Гранина, что он думает об икре, красной рыбе, муке, горохе, какао-веле, топленом сале-лярде и блинах из гречишной муки, которые встречаются в воспоминаниях железнодорожников, когда речь идет о конце 1943 года, о карточках, которые так щедро отоваривали после того, как 48-ю колонну поставили на вторую категорию Ленфронта.

Гранин сказал, что вопрос икры, который меня волнует, может иметь следующее объяснение. К берегу Ладоги со стороны Большой земли прибывало множество поездов с подарками для Ленинграда, с продуктами, которые не успевали перевозить на другой берег. И у железнодорожников, дескать, была возможность этим слегка пользоваться. Но это всего лишь версия, подчеркнул Гранин.

— Но ведь это давали по карточкам в вагоне-лавке при депо Московская-Сортировочная в декабре 1943 года. Так написано в воспоминаниях одной кочегарши...

Гранин не удивился и не опроверг такой факт. Сказал, что я должен собрать все возможные свидетельства о той войне, о блокаде, о железнодорожниках в «Коридоре смерти».

— Будет ли это интересно современному читателю? — задумался я. — Как его привлечь?

— Меньше всего об этом думайте, — сказал Гранин. — Тем более о современном читателе.

Гранин, поглядывая на далекий комаровский закат, вспомнил, что работа над «Блокадной книгой» приводила к болезни, потере сил, депрессии.

Верю. По себе знаю. Только разбежишься по тексту глазами, вдруг — бац! — срыв, тормоз, сердце сжимается...

Я рассказал об удивительных книгах Ковальчука, в одной из них упоминается мой отец, спасавший горящий эшелон. Гранин передал привет Валентину Михайловичу, сказал, что это обстоятельный исследователь блокады, его старинный приятель.

Отдал Гранину «Неву» № 6 за этот год с моей повестью «Записки ретроразведчика».

3 июня 2006 г. Санкт-Петербург. Гранин пригласил сходить в кафе. Встретились у его дома, дошли до кондитерской на Австрийской площади. Гранин посоветовал взять горячий шоколад и пирожные. Заказали.

Гранин заговорил о том, что культура дорожает, становится недоступной для многих. Привел расчет поездки семьи из трех человек в Пушкин, с посещением Екатерининского дворца. Билеты во дворец, электричка, перекусить — получилось тысяча рублей.

Заговорили о Булгакове, я рассказал, какую статью о Булгакове закончил.

— Почему Сталин пятнадцать раз смотрел «Дни Турбиных»? — спросил Гранин. — Это же патология, столько раз смотреть не оперу, не музыкальную программу, а пьесу, где сюжет известен! Я думаю, ему важна была не пьеса, а обстановка в театре — ему надоедали партийные братки, товарищи-лизоблюды, вся эта кремлевская шпана, которой он знал цену, и Сталин шел в театр, во МХАТ, смотреть пьесу талантливого Булгакова в постановке талантливого Станиславского, там была другая обстановка, другие люди...

Гранин:

— Паустовский в 60-е годы мне рассказывал, что он учился в гимназии вместе с Булгаковым, с ними еще кто-то учился, кажется, брат Валентина Катаева — Евгений Петров. Так вот Паустовский говорил, что они Мишку Булгакова всерьез не воспринимали, даже когда он «Дни Турбиных» поставил, уже писателем становился. А вот когда «Мастера и Маргариту» напечатали в 60-х годах, то восхитились! И по заслугам!

Гранин:

— Мне недавно подарили книжку Илизарова, в которой собраны заметки Сталина на полях прочитанных книг. Это очень интересно! Там начиная с реплик вроде «Ха-ха!» и кончая рассуждениями в один-два абзаца. Сталин много читал. Он был самоучка, очень начитанный человек, несостоявшийся поэт, в этой книге есть его рассуждения о поэтическом творчестве. Вы знаете, мне Сталина не за что хвалить, но надо признать, что к писателям он относился с уважением: ценил талант. И если против него лично не высказывались, не задирали его, не оскорбляли, как это сделали Пильняк и Мандельштам, то он с уважением относился к собственному мнению писателя. Например, рассказ Андрея Платонова «Сомневающийся Макар». Или «Тихий Дон» Шолохова. Ведь эти вещи вовсе не воспевали происходившее, они шли вразрез с установками того времени. Или «Дни Турбиных». Ведь Осип Мандельштам написал явное оскорбление. Кстати, считается, что Сталин звонил Пастернаку, советовался насчет Мандельштама, и тот не заступился за коллегу. Если бы сказал, что Мандельштам гений, Сталин бы Осипа Эмильевича не тронул.

Еще Гранин рассказал, как его недавно пригласили на открытие Талион-клуба в бывшем особняке Шереметева, где был Дом писателей.

— В Лепном зале было накрыто угощение. И вот эти раздавшиися вширь мужики в дорогих костюмах, налитые дорогими коньяками, пахнущие парфюмом, рассказывают друг другу, что здесь раньше было, это, дескать, дворец сподвижника Петра — Шереметева (а это совершенно другой Шереметев, никакого отношения к фельдмаршалу не имевший). Потом мне нечто вроде экскурсии устроили, говорят: сейчас мы вам покажем кабинет Михаила Зощенко, где он работал... Я говорю им, что у Зощенко никакого кабинета в этом здании не было, они руками машут: нет-нет, вы не знаете, нам сказали, что был, он там сидел и писал... И приводят в кабинет первого секретаря, где я отсидел несколько лет, когда был избран на эту должность. Бессмысленно спорить!

Я ходил по этому дворцу и вспоминал — призраки разных лет были со мною рядом. Вот здесь, в Лепном зале, сойдя с трибуны, умер Борис Эйхенбаум... Здесь Жданов выступал, Ельцин... Вот тут, у лестницы, возле ресторана, был разговор с Олей Берггольц... Тени друзей виделись мне на шумном вечере сытых богатых людей... Раньше дворец принадлежал всем писателям города, теперь одному человеку...

Они все восстановили — и масонский зал, и библиотеку, и лестницы... В библиотеке стоят антресоли, лестницы резные к ним, а для кого? Там и книг-то нет. Я хотел им предложить нашу писательскую библиотеку, да мысленно рукой махнул — не в коня корм!

— А вы знаете, где сейчас писательская библиотека? — спросил я с тайным умыслом похвастаться добрым делом.

— Конечно. Я ее сам и перевозил, — к моему удивлению, сказал Гранин. — Она на Васильевском...

— Ну да, да, — покивал я, припомнив, что Гранин с губернатором Яковлевым действительно были приглашены в качестве почетных гостей на выставку раритетов после перевоза.

Я спросил, не читал ли он мою недавнюю статью «Город на костях? Мифы Петербурга» в «Невском времени». Не читал. Я обозначил основную мысль, сказал, что триста тысяч трупов, которые приписывают Петру I, это чуть меньше самого большого в мире мемориального Пискаревского кладбища. Археология — наука материальная, не найдено в Ленинграде—Петербурге захоронений петровского времени такого объема. Не в Неву же умерших сбрасывали...

Гранин согласился, что Петербург построен не на костях и Петр вовсе не душегуб. Вспомнил Аню Андрееву из Меншиковского дворца, которая консультировала и меня, и его, когда он писал свой роман «Вечера с Петром Великим». Это меня порадовало. Сказал, что иностранные послы интриговали против Петра и завидовали становлению России у Балтийского моря, отсюда и разговоры о немых жертвах. Да и московские бояре не жалели сплетен о Петре и его жертвах. Гранин сказал, что даже сейчас Москва ревнует к переносу Конституционного суда в Петербург. «Я тут с этими ребятами говорил, они настроены против. Председатель Верховного суда Зорькин... Да, они против...»

Гранин сказал, что сегодня сняли с должности Генерального прокурора Устинова, который недавно пообещал бороться с коррупцией. Сказал, что комментарии пока очень невнятные.

Пришло время расплачиваться, я сунул нос в принесенный счет, засуетился с деньгами. Гранин строго посмотрел на меня:

— Я приглашал, я заплачу.

Изучил счет. Спокойно отсчитал деньги. Спокойно добавил чаевые.

Меня поразило, как он уважительно обходился с деньгами. Не пренебрежительно, не скуповато, а именно уважительно. Он знает им цену...

21 сентября 2006 г. Был в Финляндии на культурном форуме. В мое отсутствие звонил Даниил Гранин, просил перезвонить по приезде. Сейчас позвонил ему на дачу в Комарово. Похвалил мои «Хроники смутного времени» в № 7 «Невы», сказал, что надо продолжать вести дневник, он дорогого стоит. «Дневники — как коньяк, чем дольше выдержка, тем ценнее...»

Пригласил «просто так» заехать к нему на дачу.

5 сентября 2007 г. Звоню Гранину на дачу.

Начинаем разговор с погоды. Вот, говорит Гранин, радуюсь солнышку, теплым осенним денькам, а как ты поживаешь? Пишу, говорю, радуюсь, что ушел от административной работы, денег пока мало, но свободы много. Рассказываю о питерском вкладыше в «Литературную газету», который мне предложил выпускать Юрий Поляков.

Он прочит этому проекту успех. Это хорошо, говорит Гранин, нужное дело. Назовите его «Невский проспект»².

Напоминаю Гранину, что мы должны встретиться на конференции по блокаде. Рассказываю, как я поздно узнал об этой конференции и сделал заявку через историка Никиту Ломагина. Хочу, дескать, сделать доклад, показать фильм о «Коридоре смерти». Гранин говорит, что он организовал эту конференцию и на ней все будет очень строго, — улавливаю легкое недовольство, что его обошли. Хотя приглашение, которое мне прислал по факсу Ломагин, подписано Граниным. Я даю задний ход — дескать, против воли организаторов идти не буду: дадите слово — выступлю, не дадите — послушаю. «Я организовал эту конференцию потому, что мне кое-что было непонятно в блокаде Ленинграда, — рассуждает Гранин, — как фронтовику, как писателю. Почему, например, немцы не сделали того или иного. Почему наши сплеховали в сентябре... Конечно, о блокаде можно говорить долго и всего не скажешь, а вот конкретные явления мне очень интересны...»

Потом Гранин говорил о том, что моя десятилетняя деятельность на посту директора ЦСЛК не должна остаться без благодарности: писатели имели приют, место для встреч и все такое прочее. Вспоминает, сколько сил он сам отдал Союзу писателей, когда был председателем и секретарем парткома, и голос у него начинает дрожать...

8 сентября 2007 г. Был на конференции по блокаде. Шикарный отель недалеко от Сенной площади. Прозрачные лифты, запах свежего кофе, на лицах швейцаров читается скрытая ненависть к посетителям и тоска по прежней милицейской работе: дубинка, пистолет, наручники....

Канадский и американский профессора делали доклады. В переводе звучит гладко, но вскоре приходишь в недоумение и бешенство — общие слова, риторика, такое ощущение, что сами не понимают, о чем говорят. «Эта информация требует изучения». Эти ребята знают о блокаде из учебников и научной литературы — для них она как изучение Луны или Марса. Они ее не чувствуют.

Канадский ученый наехал на финна — дескать, вы не забывайте, что Финляндия была союзницей Германии! А то некоторые, понимаешь, забывают, что участвовали в блокаде Ленинграда. (Напишу, быть может, отдельно.)

Как Гранина на все хватает? Организовать такую конференцию! Он выступал сжато, но панорамно. В сентябре был момент взаимной растерянности оборонявших город и наступавших. Немцы словно испугались войти с южного направления в Ленинград. Или боялись подвоха и ждали ценных указаний из Берлина. Гранин сказал, что этот вопрос требует особого изучения.

30 декабря 2008 г. На афишных тумбах — портреты почетного гражданина Санкт-Петербурга Даниила Гранина, ему исполняется 90 лет. Фото очень красивое, благородное. Гранин под стать Петербургу, он с ним единое целое.

...Каждая встреча с Граниным начиналась с его вопросов: «Ну, что нового? Как работается? Что натворил?» Иногда для затравки разговора Даниил Александрович рассказывал анекдот. У меня хранится небольшая, но сочная подборка его анекдотов. Надо ли говорить, что они сильно отличаются от подборок на соответствующих сайтах и репертуара записных юмористов?

Мы ехали на острова, сживали в кафе, где Даниил Александрович чудесным образом заставлял рассказывать о себе официанток и барменов. Его узнавали, вспоминали прочитанные книги, благодарили, долго не отпускали, приглашали заходить еще...

² Так и называли вкладыш в «Литературную газету» — «Невский проспект».

Гранин объяснил:

— Ты понимаешь, работа официанта — это сплошное одиночество. Принес заказ, и посетителю ты больше не нужен. А многие идут работать в надежде на общение, интересные встречи... Чаевые — не самое главное. Им хочется поговорить, пообщаться, высказаться...

Обладая статусом почетного гражданина Санкт-Петербурга и соответствующим удостоверением, Гранин имел моральное право на некоторые преференции, которые я от его имени пытался конвертировать в нужные нам проезды и стоянки.

Мы подъезжали к шлагбауму, я выходил к охраннику, называл фамилию своего пассажира, скороговоркой добавляя почетные звания, и просил разрешения проехать поближе к природе или архитектурным ценностям. Иногда открывали без звука и выходили посмотреть — поклониться, сказать что-то похвальное, вроде: «Вашего „Зубра“ читал с удовольствием. А моя мама была в вас влюблена!» Иногда морщили лоб и переспрашивали фамилию, потом звонили начальству: «Тут просят писателя какого-то пропустить. Говорят, почетный гражданин... Гаранин, кажется...» Я брал трубку, и обычно не отказывали, лишь интересовались, с какой целью известный писатель решил посетить их яхт-клуб или музейный комплекс.

— Говорит, много слышал о вашей организации от губернатора и президента. Решил посмотреть...

— Милости просим, милости просим... Я сейчас подойду.

— Необязательно. Он не в настроении. Хочет тишины и покоя...

— Пожалуйста, пожалуйста. Как скажете. Дайте трубочку охраннику.

Вернувшись в машину, я объяснял некоторую задержку смущением, которое охватило охрану от его незапланированного визита.

— Чуть в обморок не упали, услышав вашу фамилию.

— Смеешься над стариком... — улыбался Даниил Александрович, делая ручкой стоящему навытяжку охраннику. — Те, кто младше тридцати, почти не читают... Им надо деньги зарабатывать, а литература этому не учит... Поганое время — кругом одни деньги. Спортивная передача — о доходах футболистов, экономика — курсы валют, театр — сколько стоила постановка и кто спонсировал, музыка — сколько стоила виолончель Ростроповича. Все к деньгам пытаются свести...

Расположившись на парковой скамейке или на мостках возле плавающих по зеркалу пруда лебедей, мы продолжали неспешный разговор о литературе и жизни.

И что характерно, я никогда не слышал от него худого слова в адрес коллег-писателей! Что в писательской среде встречается чрезвычайно редко. Вру! Однажды он брезгливо махнул рукой в адрес одного московского литературного начальника и бросил подобающее ситуации слово. Все!

Гранин прекрасно понимал, что такое наш брат писатель и писательский труд. Однажды, сетуя на собственную бестолковость (долго раскачивался, хотя начал печататься в двадцать лет, мало написал, много времени провел в занятиях пустяками и т. п.), я прочитал стихотворение Наума Коржавина:

Ни трудом и ни доблестью
 Не дорос я до всех.
 Я работал в той области,
 Где успех — не успех.
 Где тоскуют неделями,
 Коль теряется нить,
 Где труды от безделия
 Нелегко отличить...

Но куда же я сунулся?
Оглядеться пора!
Я в годах, а как в юности —
Ни кола, ни двора,
Ни защиты от подлости, —
Лишь одно, как на грех:
Стаж работы в той области,
Где успех — не успех...

Гранин кивнул: «Правильное стихотворение. Коржавин — умница, хороший поэт...»

Помолчал, вздохнул: «Человек должен состояться... Это его обязанность. Я много думал об этом. Почему один при скромных талантах находит себя, а другой — хорошо одаренный, разносторонний — и дело кончается пшиком?»

Я пожал плечами, не зная ответа.

— За талантом надо приглядывать, — раздумчиво произнес Гранин. — А на себя не наговаривай. Ты и написал много, и сделал многое. Самоуничижение паче гордыни... Никто не знает, что будут читать через пять или пятьдесят лет. Вот Коржавин! Пока есть пишущие люди, его стихотворение будут цитировать...

Даниил Гранин много делал для коллег-писателей. Сейчас многое забылось, обросло пустыми разговорами, досужими рассуждениями. Но вот простой факт. Он дал сто двадцать рублей моему любимому Виктору Конецкому на покупку пишущей машинки. Виктор Викторович находился тогда в начале своего литературного пути, и без поддержки молодое дарование с флотской выправкой могло пойти совсем иным путем. Кланяюсь Гранину за этот поступок еще и потому, что В. В. Конецкий дал мне потом рекомендацию в Союз писателей.

Мы говорили о разном. О литературе, политике, женщинах, детях, собаках, птицах, деревьях...

Деревья — их весеннее пробуждение и осеннее угасание — особенно притягивали Даниила Александровича. Мы ездили по Крестовскому острову, и Гранин просил: «Давай к тому дереву подъедем!»

Останавливались, выходили.

— Ты смотри, каждое дерево знает, когда ему пробуждаться, когда соки к веточкам гнать, когда почкам лопаться, когда листочки разворачивать!

По осени мы шуршали листвой, и Гранин улыбался: «Красота! Какая роскошь! Какая красота!»

Однажды, видя мое смурное настроение, Гранин позволил себе нравоучительные рассуждения. В том смысле, что надо радоваться каждому прожитому дню. Радоваться тому, что просто живешь! Нас окружают тысячи опасностей, несовместимых с жизнью. Начиная со смертельных вирусов, несчастных случаев, катастроф, войн и кончая тяжелейшими болезнями, которые замучаешься лечить. Житейские невзгоды — это пустяки. Каждый прожитый день должен быть самым счастливым, надо быть благодарным за то, что живешь.

Спасибо, Даниил Александрович! Часто вспоминаю ваш монолог.

Даниил Александрович был несуетливым человеком. Он критиковал перекосы нашей жизни без въедливого азарта, любил порассуждать, привести исторические примеры, вспомнить для сравнения за границу, былые времена. Лишь однажды я услышал от него: «В какое бесстыжее время мы живем!»

Отдельные суждения я записывал на диктофон и с согласия Даниила Александровича публиковал:

**Фрагменты интервью газете «Невское время»
(11.09.2008 и 30.12.2008) в рубрике
«Писательский клуб в доме Набокова»**

СВЯТЫЕ НА РУСИ ЕСТЬ — НЕ ХВАТАЕТ ЧЕСТНЫХ

Даниил Гранин: ...Сколько ни увеличивай оклад современному чиновнику — он все равно будет брать взятки. Я когда-то в романе о Петре привел историю с новгородским губернатором. Петр назначил на эту должность честного и порядочного человека. Но вскоре посыпались жалобы, что он ведет себя корыстно. Царь его вызвал: «В чем дело?» — «Вот, государь, мне приходится приемы устраивать, дом содержать соответственно, красиво одеваться — жалованья не хватает, приходится брать». — «А сколько тебе надо?» Он назвал сумму втрое большую, чем получает. Петр дал ему такое содержание. Через полтора года опять появились жалобы, Петр его вызвал. Губернатор говорит: «Виноват, государь, не могу удержаться...» Петр его казнил. Взяточничество не может быть побеждено увеличением окладов, раздачей квартир и прочих благ... <...>

...Мы не в состоянии привести в пример нашу сегодняшнюю жизнь. Святые на Руси есть, не хватает честных людей, которых можно приводить в пример. И при этом каждый из нас считает себя порядочным человеком...

...Вот башня Газпрома. Никто не выступил, не объяснил, почему нужна высота четырехста метров, а не восемьдесят. Почему нужно возвести ее обязательно рядом с историческим центром? Почему нельзя отнести на окраину? Никто не разговаривает с нами. Я больше того скажу, наступил экономический кризис. И кто с нами разговаривает? Мы лишь подслушиваем по телевизору, о чем Путин или президент говорят с министрами. Словно стоим за дверью и слушаем чужие разговоры. Это разве дело? Когда в Америке был великий кризис, президент Рузвельт раз в неделю обращался к нации. Почему передо мной не выступают служащие, которым я плачу деньги? Я как налогоплательщик плачу и Путину, и Медведеву, чтобы они хорошо работали. Почему они не рассказывают мне ясно и понятно, что происходит в стране, которой они от моего имени управляют? Об этом даже никто вслух не хочет говорить.

Дмитрий Каралис: Как вы считаете, должна современная литература оказывать духовное сопротивление? Или ее удел — развлечение читателя?

Даниил Гранин: Литература должна оказывать духовное сопротивление этому растленному, преступному, бесчестному и немилосердному обществу! И иногда она это делает. Литература — вещь штучная, антикварная, раритетная. Достойные вещи встречаются не так часто. <...>

Д. К.: Вам приходилось отступать от принципа, который завещал отец: «Поступай всегда так, как будто от тебя зависит судьба России»? Или приходилось идти на компромиссы?

Д. Г.: Прожить жизнь без компромиссов невозможно. Приходится кому-то уступать, даже переступать закон, потому что есть такое понятие — справедливость, которое выше закона.

Вот на войне. В 1942 году в нашу часть прислали ребят-новобранцев. Они пришли в ужас от увиденного в первом бою и занялись самострелами. Их приговорили к расстрелу — по закону. Но этого никак нельзя было делать. Мы ходили, хлопотали за них, двоих удалось отстоять — они потом стали хорошими солдатами... <...>

...Тема войн — прошедших и будущих — не раз вставала в наших беседах. Гранин называл меня милитаристом и охлаждал мои страхи перед ядерным кошмаром ссылками на знакомых ученых.

— Я разговаривал с ребятами-ядерщиками, оборонщиками. Допустим, Америка начинает войну, летят ракеты. И через семь минут у ее берегов всплывают наши подводные лодки. Ответный удар, и планета тонет во мраке. И все это понимают. Кому нужна такая война?.. Кто в ней победит?

Даниил Александрович прочитал мой сценарий художественного фильма «Коридор бессмертия», согласился быть военно-историческим консультантом картины. Он приезжал на зимние съемки возле Ростральных колонн, делал замечания по черновому монтажу фильма. Дал последнее в своей жизни интервью для документально-исторической ленты «Блокадная кровь» по моему сценарию.

Замечания делал точные и бесценные!

— Почему такие артистки румяные? — строго вопрошал у режиссера. — Это же блокада, сорок третий год! А они у вас как с танцулек идут.

Режиссер Федор Попов соглашался с промахом, обещал «подбледнить» персонажей.

Гранин внимательно смотрел эпизод с неразорвавшимся снарядом, угодившим в железнодорожное полотно, как его извлекают, как на свет фонарика прискакал заяц...

— Все правильно. Но не страшно. Обыденно как-то... И затянута.

В самую точку!

Позволю предложить вниманию читателей два интервью Даниила Гранина, данные «Литературной газете». Мне кажется, эти материалы дадут ясное представление о широте и глубине узора его мысли. Пусть прямая речь классика прозвучит без интерпретаций...

ДАНИИЛ ГРАНИН: ОТСТУПАТЬ НЕКУДА!

(Интервью «Литературной газете», 6 июня 2011 г.)

Дмитрий Каралис (Д. К.): Даниил Александрович, мы беседуем с вами накануне 70-летия начала Великой Отечественной войны. Вы писали в своих воспоминаниях, что, когда началась война, в индустриальном центре страны Ленинграде не хватало оружия и народное ополчение, в которое вы вступили, выменивало на продукты и табак у отступавших красноармейцев винтовки и патроны — нечем было воевать. Нет ли у вас ощущения, что случится беда, мы вновь окажемся не готовы?

Даниил Гранин (Д. Г.): Думаю, у нас сейчас другая, более серьезная неготовность. Вооружение можно сделать, купить, и этим вроде занимаются. У нас моральная неготовность к войне — армия разложилась. Почему? Во-первых, дедовщина не прошла даром. И все злоупотребления офицерского и генеральского, подчеркиваю — генеральского! — состава. Мы постоянно слышим о злоупотреблениях, но, думаю, это лишь небольшая часть того, что творится в армии. Культ рубля разложил армию. Мало этого, офицеры были лишены жилья, они понимали, что в отставке им жить будет нигде... Ощущение невостребованности унижительно для военного человека, оно деморализует. И второе. Понятие патриотизма обмельчало, истощилось. За что воевать? За олигархов? Я не случайно упомянул олигархов. Как ни парадоксально, сегодня они — самые почетные люди. Они и чиновники-пираньи — вот так называемая элита нашего народа. А мы — планктон. Понимаете, раньше был его величество рабочий класс. И в этой метафоре была какая-то часть правды — люди, занятые физическим созидательным трудом, пользовались почетом и уважением. Было крестьянство, худо-бедно кормившее страну. И была прослойка — интеллигенция. Сейчас нет рабочего клас-

са, нет крестьянства. А есть олигархи и чиновники — вот два сословия, которые забрали себе все блага жизни и позволяют себе все что угодно. Армия перестала быть частью народа. За что она будет воевать?..

Д. К.: В недавно вышедшей книге воспоминаний «Все было не совсем так...» вы поднимаете тему военнопленных. Оказывается, в США бывших военнопленных награждают орденами, есть специальная медаль военнопленным. И во Франции плен засчитывается как время, «проведенное в условиях войны». Бывшие военнопленные окружены почетом и заботой, имеют массу льгот. Нечто подобное было и в царской армии. Воинские чины, вернувшись из плена, получали жалованье за все время нахождения в плену, а их семейства — половину того содержания, какое их главы получали на службе в день взятия в плен...

«У нас же семьи военнопленных становились бесправными, — пишете вы. — Я уж не говорю о том моральном терроре, которому они подвергались. В этом смысле ужасна наша неблагодарность по отношению к сотням тысяч безвинно попавших в плен солдат, неблагодарность, которая длится до сих пор. Мы никак не можем отдать должное им, участникам Великой Отечественной войны, даже спустя столько лет откладываем им в праве на это звание...»

Почему так?

Д. Г.: Сталину казалось, что, ужесточая судьбу пленных и их семей, мы не разрешим бойцам попадать в плен. Это рассуждения невоенного человека. Пленные — обязательная часть войны. У нас отношение к людям, попавшим в плен, было безжалостное, несправедливое, и после войны, спустя десятилетия, мы все равно не изменили своего отношения к пленным, они оставались людьми второго сорта, виноватыми перед страной, хотя они не были виноваты...

Д. К.: Сейчас много говорят о десталинизации страны, почему бы президенту хотя бы через семьдесят лет после начала Великой Отечественной войны не поставить точку в вопросе с пленными? Реабилитировать их, перевести из разряда людей второго сорта в равноправных участников великой войны?

Д. Г.: Это было бы справедливо. Возможно, в самые последние годы что-то было сделано, какие-то реабилитации происходили, я не знаю. Но если нет, то будет совершенно справедливо восстановить человеческое отношение к своим пленным, которое было и в царской России, и есть в других армиях. Уважительное отношение к людям, которые не виноваты. Пленные — это неизбежность войны, так же как убитые и раненые. Немцы попадали к нам, мы попадали в плен к немцам... Особенно в первый период войны, попадали в плен массово, пока не очухались и не научились воевать. Я помню, мы лежали в кустах и видели, как наших пленных гнали на запад, в Германию...

Д. К.: В своей книге вы говорите, что в Петербурге до сих пор нет памятника Победе над фашизмом. И вспоминаете, как обратились к губернатору города Валентине Матвиенко с предложением воссоздать триумфальные ворота, через которые наши солдаты входили в город в 1945 году. Почему именно ворота? И есть ли перспективы у памятника Победе через 66 лет после окончания войны?

Д. Г.: Триумфальные арки — старинная традиция. Например, сохранилась триумфальная арка при входе в Петропавловскую крепость. Она до сих пор красуется. Есть Московско-Нарвские ворота в честь победы в войне 1812 года, есть Московские ворота... Петербург — город столичный, с европейскими традициями, и в 1945 году, несмотря на блокадную разруху, городские власти соорудили несколько триумфальных арок для возвращающихся с фронтов воинов-победителей. Их делали наспех, из фанеры, но они были красивые и величественные — это хорошо видно на фотографиях. Я предложил нашей мэрии соорудить триумфальную арку в честь Победы в мае 1945 года. Выбрали хорошее место в конце проспекта Стачек, при въезде в город, архитектор

Владимир Попов сделал проект, и город уже выделил деньги на эту арку, но зачем-то вмешался городской Общественный совет, и пошли разговоры, что деньги надо беречь, лучше отдадим их на строительство квартир для ветеранов. Ни Петр I, ни наши правители в последующие годы не рассуждали таким образом. Они действовали по принципу: кесарю — кесарево — и строили триумфальные арки как символы победы. А тут вдруг через шестьдесят лет проявили заботу о ветеранах! В общем, задробили этот проект, губернатор не захотела конфликтовать с общественностью. Ведь у нас в Петербурге, как ни странно, нет памятника Победе. Есть памятник Аникушина блокадникам, а памятника Победе нет. Огорчительная история для нашего города, не нашедшего денег на триумфальную арку. Чем дальше мы уходим от мая сорок пятого, тем меньше шансов на монумент...³

Д. К.: В ваших записках вы размышляете: «Я знал Россию, ту, что поднялась на Великую Отечественную войну, спасая свои народы от фашизма, а за ними и Европу. Знал ее и после войны, когда, оголодавшая, разутая, бездомная, стала она восстанавливаться. Я хорошо знал эти две России, потому как сам и воевал, и восстанавливал разруху.

То были два прекрасных народа. Трагические испытания подняли их дух, как никогда раньше. Другой России мне не надо. А мне сообщают, что России осталось жить не больше 50 лет, дальше она станет мусульманской страной, русский язык исчезнет, русские разбредутся по всему миру подобно евреям и все ее прошлое обернется мифом».

И далее никак не комментируете эти высказывания. Не могли бы поделиться своими представлениями о будущем России с читателями «ЛГ»?

Д. Г.: Конечно, пессимизм — вещь безошибочная, тем более прогнозы на пятьдесят и более лет проверить трудно. Но такие пессимистические настроения в обществе не случайны, потому что в нашей жизни отсутствует идея. В советской жизни было много показухи, но был и подлинный энтузиазм. Вспомните освоение целины, бригады коммунистического труда. Как рождался энтузиазм, на чем основывался? Была цель! Мы хотели превратить свою страну в благополучную, справедливую, в страну, где царит уважение к труду, соблюдается равноправие граждан. Сейчас мы совершили тяжелую ошибку — перечеркнули советскую жизнь. Семьдесят пять лет жизни страны! Была создана великолепная культура — музыка, театр, кино, песни, литература, поэзия — все осуждено. «Нет-нет-нет, мы начинаем все заново!» Это вдвойне обидно, потому что вновь наступаем на грабли 1917 года, когда перечеркнули все, что было при царизме. До основания. Это несправедливо по отношению к своей собственной истории, к своим родителям, предкам, да и потомкам. Несправедливо! И в то же время новая жизнь не сумела ни заместить прежней культуры, ни продолжить ее. Мы не можем перечислить таких достижений, которые создавали бы новую идею жизни. Куда мы идем, чего хотим? Ведь мы хотим все того же — справедливого устройства общества, счастья. Если б можно было измерять количество счастья в стране, количество счастливых людей, я думаю, показатели явились бы довольно любопытные. По сравнению с Европой, которую мы всегда называли гнилой, у нас количество счастливых регионов, сословий, отдельных людей весьма невелико. Из чего слагается счастье? Семья, работа, жилье, здоровье, возможность получить образование, уверенность в завтрашнем дне... Мы все попортили. Образование — господин Фурсенко! Что характерно — общество возмущено, критикует реформы в области образования, учителя в панике, стали напрямую говорить об отставке Фурсенко, но он безразличен к мнению общественности.

³ Благодаря стараниям Д. А. Гранина к 70-летию в честь Победы в Великой Отечественной войне город воздвиг Триумфальную арку Победы в Красном Селе. Деньги на строительство собирали всем миром.

У нас все нравственные показатели сильно попорчены. Семья испорчена — наркомания, пьянство, разрыв между поколениями — порвалась цепь времен... Богатство оказалось ловушкой. С одной стороны дворцы, виллы... Поезжайте в наше Ильичево, где Ленин перед революцией скрывался, — что там за высокими заборами? Там теннисные корты, бассейны, жизнь роскошная, под стать жизни американских миллионеров. И наряду с этим — коммуналки, которые растянулись на семьдесят лет, и кривые домишки. Таких чудовищных контрастов никогда не было! Ну, были обкомовские пайки — давали какую-нибудь красную рыбу к празднику, были госдачи, служебный транспорт... Но такие контрасты, как Куршевель, как заработки жен наших министров (министр получает двадцать миллионов, а жена его — сто двадцать миллионов!), мы и вообразить не могли. Откуда, почему? Никаких объяснений. Если жена такая успешная труженица, может быть, ей и работать министром на благо страны?

Будущее народов России зависит от морального климата в стране, от народного духа.

Но хочу сказать и о наших СМИ. Они в течение нескольких лет очень критично рассказывают о нашей жизни. Имеют на это право. Но от этого негатива в душах людей накапливается тяжелый металл, все покрывается свинцовым налетом равнодушия, пеплом бесчувствия... Да, пусть сократился уровень честности в обществе, то есть на круговой диаграмме сектор честности сузился, стал совсем тоненьким, но все-таки он есть. И что делать, чтобы он вырос? Это надо обсуждать, выносить с помощью СМИ на всенародное обсуждение... Конфуций говорил еще 2500 лет назад: «Хватит клясть тьму, лучше зажги свою маленькую свечку». И «Народный фронт» должен быть не для того, чтобы избрать «Единую Россию», а для того, чтобы понять, как нам наладить нашу жизнь...

Д. К.: Вы считаете, «Фронт» создавался, чтобы наладить нашу жизнь?

Д. Г.: Нет, «Фронт» как раз — из области избирательных технологий. А я имею в виду, что нам нужно обсудить, как дальше жить, куда идти. Нужны примеры порядочности, милосердия, терпимости, сострадания. Есть такие люди и примеры на Руси! Но о них никто не рассказывает, это не жареное, а значит, журналистам неинтересно. Почему мы не спешим рассказывать о хороших людях, которых становится все меньше? Они и могут быть опорой современному человеку, как святые в России когда-то.

Приведу пример. Недавно я был на юбилее, отмечали 80 лет со дня рождения покойного Владимира Андреевича Алмазова. Это был очень известный кардиолог, сейчас существует огромный центр, носящий его имя. Собрался весь цвет питерской медицины, приехали москвичи, вспоминали, говорили. Я был знаком с Алмазовым — мы с ним в бытность народными депутатами сидели вместе на заседаниях, очень он мне нравился. И вот меня попросили сказать. Застали врасплох — я собирался уходить. Все уже сидят, едят, разговаривают... И я решил — скажу не им, а скажу Алмазову. Скажу, Владимир Андреевич, вы ушли из жизни, и теперь можно издали взглянуть на вашу жизнь, почему центр назван вашим именем, почему люди приехали почтить вас, что это была за жизнь? Каждая жизнь должна иметь свой узор, свою картину, которая складывается, появляется после ухода. Да, вы талантливый кардиолог, вы создали свою школу, но школ создано много. А что же было в ней своего, алмазовского? Теперь я понимаю, что это было, это очень важно для вашей профессии — сострадание. Знание — да, талант — да, преданность делу — да, но это качество сегодня почти исчезает, и поэтому она стала такой дорогой, это — сострадание. Вспоминаю одну сцену в отделении для детей. Я был тогда в обществе «Милосердие», и Америка прислала нам полвагона одноразовых шприцов, была такая проблема. Я позвонил Алмазову: «Владимир Андреевич, хочу передать вам шприцы...» А заодно прислали детские игрушки, конфеты, сладости, консервы, но главное — игрушки. Приехали, сдали шприцы, он говорит: «Пойдемте на детское отделение». И пришли детишки с мамами, у неко-

торых онкология, вид такой — ужас! Я предложил: вот три девочки постарше, пусть они распределяют сами. Он мне шепчет на ухо: «Неудобно, получается, что мы не доверяем врачам...» Я говорю: врачам доверяем, но я хочу, чтобы дети сами раздали игрушки и сласти. Мы отдали, вышли, ходили по своим делам, потом вернулись через час. Боже, как преобразились эти дети! Как они были счастливы! И как все это распределилось! Без обид, они сами обмениваются, улыбаются этой, в сущности, ерунде. И когда мы зашли к нему в кабинет, он заплакал. И я даже не спрашиваю почему. Я сам был в близком состоянии. Сострадание появилось не от мук, а от счастья. Вот, я думаю, одна из самых серьезных сегодня проблем — нет сострадания. Когда-то Достоевский об этом писал. Сострадания у нас не стало. Мы исчерпали сострадание к нищим, потому что нищие тоже оказались коррумпированными, мы уничтожили сострадание к больным, потому что там поборы. И не потому больные лежат по коридорам, что нет денег, а потому, что эти деньги уходят куда-то в другое место, потому что врачи тоже стали хищниками. Не все, но берут.

Вот губернатор Матвиенко приводила пример, что главный врач больницы получает двести тысяч в месяц, а врач — двадцать тысяч. Это справедливо?

Я бывал дома у Сахарова, у Лихачева, у нобелевского лауреата Гинзбурга. Какая это была скромная жизнь! Как красиво и благородно они жили. Скромно, не для примера, хотя это был пример. Они так жили, потому что это интеллигентная жизнь. Я бывал в Германии у президента Академии естественных наук Штубе. Такая же скромная жизнь. Это прилично. А другая жизнь — неприлична. Мы, по сути дела, страдаем поклонением перед Западом. Мы перенимаем все, даже песню про день рождения поем американскую, своей не можем сочинить. Я думаю, понятие приличности жизни культурного интеллигентного человека, приличности европейского уровня, мера европейского приличия должна быть примером.

Д. К.: А пример успешного бизнесмена, предпринимателя, олигарха?

Д. Г.: Раньше были герои труда: Стаханов, Бусыгин, Демченко, Кривонос, их знала вся страна, у них учились работать, им пытались подражать. Сейчас — Абрамович, Потанин, Прохоров... Что это за примеры? Откуда у Абрамовича эти миллиарды долларов? Если бы он был изобретателем или капиталистом типа промышленника Форда или технолога Гейтца, это было бы оправданно и вызывало восхищение, желание подражать, изобретать, чтобы стать миллиардером. А наши миллиардеры в большинстве своем (может быть, и не все) — это хищники, они любят говорить: «Я оказался в нужном месте в нужный момент». А как ты оказался? Почему это *ты* оказался? Я, например, не могу оказаться. И еще миллионы россиян не могут оказаться. Я кончил институт, воевал, восстанавливал страну, работал... Но искусство оказаться в нужном месте в нужный момент нам не преподавали. Это не пример для подражания.

Д. К.: Вы верите, что власть хочет и может победить коррупцию?

Д. Г.: Власть непрерывно заявляет, что готова бороться с коррупцией. Но бороться — значит наказывать. А о чем свидетельствует безнаказанность?.. Я не говорю, что власть потворствует, но ей явно не хватает воли, чтобы действительно расправляться. Как это делают в Китае? Эти страшные кадры показывали по нашему телевидению. Ставят на колени, стреляют в затылок, и все падают... Кого расстреливают? Взятчиков, казнокрадов... Мы молчим о результативности этих действий, не берем китайский опыт. А Китай — страна древней культуры, и не думаю, что они употребляют такие крайние меры, не прикинув, насколько это может быть результативно и как сказывается на преступности. Если не казнить, то хотя бы безжалостно наказывать. Я вижу, что разоблачения наших взяточников и казнокрадов ни к чему не приводят. Чем выше положение, тем безнаказаннее проходит воровство. У нас не было ни одного показательного процесса ни над губернатором, ни над министром, ни над депутатом. Пока-

зательного процесса, который показал бы, что государство не считается с положением и должностью, а считается с законом, и закон неизбежен, и наказание для всех неизбежно и равно. Не было такого! Ограничиваются мелкой сошкой — милиционерами, начальниками какого-нибудь ГИБДД. О чем это говорит?..

Д. К.: Что вы можете пожелать редакции и читателям «ЛГ»?

Д. Г.: Скажу следующее: многие СМИ воспитывают толпу. Есть два понятия: народ и толпа. Разница между ними в том, что народ имеет свою историю. Толпа не имеет истории. Толпа — явление стихийное и временное. Есть такое понятие — следовать за толпой. Мы сейчас все больше следуем за толпой. На потребу толпе — жареное, сплетни из шоу-бизнеса, кто с кем, сколько раз, кто развелся, кто женился. Недавно я смотрел про какие-то страшные тайны известной певицы. Оказывается, у нее был сын, она скрывала, он сидел в тюрьме. Зачем? Для кого это? Это для толпы!

У нас единственно есть «Новая газета», у которой своя позиция, своя физиономия, и «Литературная газета», в которой бывает что-то свое, не в смысле даже литературной критики, а в смысле положения культуры, нравственных проблем. И почти ничего больше. Все остальное — мусор. Я, может быть, резко говорю, но я не специалист по СМИ, у меня нет времени изучать. Но я не вижу ни одного печатного органа, который поднял бы большую проблему, достойную обсуждения всей страной, чтобы обсуждать честно и неравнодушно, созвав для разговора все интеллектуальные силы. А разговор этот необходим! Чем скорее, тем лучше. Отступать некуда!

Д. К.: Мы очень надеемся, что такая дискуссия вскоре состоится и вы примете в ней самое непосредственное участие. А может быть, и начнете ее. Позвольте от имени наших читателей пожелать вам здоровья и новых книг!

Д. Г.: Спасибо!

Город-герой Ленинград—Санкт-Петербург

НЕ БАРЫШОМ ЕДИНЫМ

**(Лауреат Бунинской премии 2011 года
Даниил Гранин отвечает на вопросы
«Литературной газеты»)**

— **Даниил Александрович, что вас больше всего тревожит сегодня?**

— Нравственное состояние общества, тенденции развития нашей жизни. Почему тревожит? Потому, что мы живем так, как Россия никогда не жила. Мы стали жить, руководствуясь идеологией барыша. Барышом определяются все области бытия — от рождения до смерти. Медицина — барыш, наука — барыш, школа — барыш, образование — барыш, правоохранительные органы — барыш, содержание квартиры — барыш... Судебные органы — барыш, театр — барыш, кино — барыш... И так далее до надгробного камня. Все у нас сегодня связано с барышом. Не с оплатой услуг, а именно с барышом, с его философией — побольше сорвать с человека. Барыш проник всюду, искалжил нашу жизнь до невозможности.

Какие бы упреки мы ни предъявляли прошлой жизни, советской эпохе, но она не стояла на барыше. В государстве были идеи, которые не оправдались, были репрессии, культ личности и так далее. Но идеология барыша никогда не определяла жизнь нашего человека. Она за скобками российских традиций, потому что расходится с ментальностью нашего человека. Эта идеология навязана современной экономикой и отчасти нашей предыдущей бедностью.

Можно сказать, что это временное уродство или искажение общественной жизни, как это бывает в жизни каждого человека. У людей ведь случаются взлеты, спады, бывают периоды, которых мы потом стыдимся... Мне кажется, именно нравственным протестом объясняется и нынешнее усиление эмиграции. Люди уезжают не только в погоне за благополучной жизнью, но и потому, что невозможно жить среди криминала, коррупции, корысти, бесчестия, безнаказанности. Честному человеку становится все труднее сохранять свою душу и ум. Трудно нынче быть честным! Обстоятельства жизни будто выталкивают тебя из страны, если ты не оказался более-менее в верхнем слое общества, не готов закрывать глаза на нравственное уродство...

— **Селекция исключительно по финансовым результатам коснулась всех слоев общества. Наверху ценят не честных и совестливых, не добрых и порядочных, а людей своего круга, соответствующих взглядов...**

— Да, тебя просто вытолкнут, если ты будешь мешать другим своими моральными принципами. Интеллигенция наша довольно энергично убывает, она пострадала, как и крестьянство, и рабочий класс, как вся трудовая часть общества. А ведь именно они несли и создавали атмосферу нравственной требовательности, совестливости. Когда исчезают сильные в нравственном смысле слои общества, жить становится тяжело.

— **Что-то может оздоровить наше общество?**

— Я часто размышляю об этом. Жизнь настолько искажена, что все призывы жить по совести, не по лжи уже просто не доходят до людей. Они не способны заставить человека изменить свою нравственную и моральную систему. А что может? Неужели мы так и будем продолжать подобную жизнь, безнадежно вращаясь в нее? Не может этого быть! Нашего человека коробит от такой жизни, он противится ей. Нравственное ядро, созданное поколениями, не хочет мириться с главенством барыша...

И я задумался над проблемой нравственного примера. Возможно, это и не единственное лекарство, но пример в жизни всегда нужен, без него жить трудно и тускло.

Всякое общество создает культ своих героев: святых, людей милосердия, людей альтруизма, подвижников, борцов за интересы народа. Эти тихие и громкие герои вызывают желание подражать, дают человеку нравственную опору... Были доктор Гааз, защитники отечества, были академики Сахаров и Лихачев, были диссиденты, которые пострадала в борьбе за справедливость...

Были ученые братья Вавиловы. Благородные замечательные люди. Трагедия Сергея Ивановича Вавилова еще не осознана нами до конца, но это была ужасная трагедия... Его брат сидит в тюрьме, а он вынужден обнимать и награждать Лысенко, который посадил в тюрьму его брата. Во имя чего? Во имя науки, но отнюдь не во имя защиты своей шкуры. Советская и постсоветская наука явили примеры необыкновенной стойкости духа и бескорыстия. Физик Михаил Леонтович, выдающийся математик Людвиг Францевич Фаддеев, президент Академии наук Александров... Эти личности многое определяли. Вот хотели Сахарова исключить из Академии наук, но Александров сказал — нет! Говорил это всем, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС. А Сахаров, который сказал: хватит испытывать водородные бомбы, планета не выдержит! Он Хрущеву встал на дороге. Тот разъярился, хотел закрыть академию, но Сахаров настоял на своем. Такие примеры воодушевляли интеллигенцию.

— **Сейчас героев, увы, не видно...**

— Да, прежние кумиры сброшены или забыты — стоят пустые пьедесталы... Есть, правда, математик Перельман, доказавший гипотезу Пуанкаре и заявивший, что миллион долларов ему не нужен... Интереснейший пример, не осмысленный еще нашим обществом. Вот чего нам остро не хватает — примеров благородства, которые можно противопоставить идеологии наживы. Примеров, которые ясно и просто покажут обществу: можно жить вне идеологии барыша!

— **Пока наши СМИ полны рассказами о заграничных загулах новых богатеев...**

— Как отвратны и неприличны для всей Европы все эти кутежи, особняки сумашедшей стоимости, которые приобретают неизвестно за какие деньги в Лондоне и Ницце... А мы молчим. Наше правосудие молчит. Партия «Единая Россия» молчит на эту тему. Нам что — нет до этого дела? Есть, конечно, мы все об этом говорим и все испытываем отвращение к таким «героям», но не протестуем.

В результате мы живем в беспримерии, если так можно выразиться. Что такое наши миллиардеры? Они пример? К сожалению, да. Но этот пример не приведешь своему сыну или дочери. Не скажешь: вот смотри, они всего достигли, потому что сделали много полезных вещей — открыли, изобрели, организовали. Я не знаю, что сделал какой-то наш миллиардер, почему у него такой роскошный дом с бассейнами, теннисным кортом? Почему он строит там, где никому не разрешено строить? Я не знаю, чем он заслужил это право, — и мне никто не собирается объяснить. Никто!

Вот умер в Америке Стив Джобс, и все восприняли его смерть как мировую потерю. Не американскую, а мировую! Это действительно фигура, достойная подражания. Его достижения в каждом доме, у всех на виду, и при этом — черная водолазка и джинсы, в которых проходил всю жизнь... Он никогда не тратил деньги на собственный пиар и скандалы. Считаю, это настоящий герой нашего времени. Вот пример для всего мира. И для нас. Мы знаем, что этот человек сделал, знаем, почему он заслуживает почета и уважения, знаем, откуда у него деньги. А про наших знаменитостей — ничего.

Понимаете, мы вдруг оказались в стране фальшивок и подделок. Поддельные дипломы, фальшивые справки и свидетельства, лицензии и всяческие сертификаты... Поддельные счета, должности, фирмы...

И что мы делаем? Ломаем свое сознание и миримся с этим фальшивым миром. Мы живем среди полной безнаказанности сынков богатых родителей. И во всевластии знатных людей, депутатов, министров, прокуроров... Живем при полном невнимании к общественному мнению. Вот пример. Общество два года критикует ЕГЭ... Казалось бы, министр образования Фурсенко должен вступить в дискуссию, посчитаться с мнением тысяч учителей, специалистов по школьным делам. Но реакции практически никакой — продолжает делать то, что считает нужным.

— **Зато сколько разговоров о борьбе с коррупцией...**

— И где эта борьба? Меня, наверное, можно упрекнуть в слабой информированности, но этот упрек можно адресовать и миллионам наших граждан. У нас у всех мало информации — власти нечего нам сказать.

— **Но если у миллионов людей есть вопросы, должны прозвучать и ответы. Рано или поздно. Может быть, придет время, и тайное станет явным?**

— Не знаю. Допустим, газета напечатает наш разговор. Но вряд ли я испытаю удовлетворение, как в прежние годы.

— **Почему?**

— Потому, что за этим ничего не последует. В той же самой «ЛГ», в «Новой газете» печатаются замечательные статьи, посвященные схожему кругу вопросов. И что? А ничего! Мы говорим по привычке, со старой надеждой: если напечатано в газете, это как-то повлияет, на кого-то подействует... Ничего подобного! В ответ — полное молчание.

— **И все-таки народ читает, реагирует. Не будем забывать, что капля камень точит, а одно слово правды весь мир перетянет.**

— Власть сейчас критикуют очень жестоко — а что меняется? У нас опять все откладывается на будущее. И раньше нам рассказывали о том, что будет. Вот, дескать, пятилетку выполним, тогда заживем! Выполнили. Теперь давайте новую пятилетку выполнять — в четыре года! Хорошо, построили социализм — строим развитой соци-

ализм! И так далее. Мы все откладываем на будущее. А кто слышит глас народа? Народ говорит: нельзя так жить! Кругом множество бедных людей! Нельзя так! Нельзя устраивать такие безобразия с ЖКХ! И что изменилось за последние три-четыре года? Тарифы выросли. Пусть домов стало больше, но они стоят пустые. Потому что цены невозможные. Надо сорок лет ни есть, ни пить, чтобы купить однокомнатную квартиру. Кто этого не знает? И кому станет легче от того, что я еще раз скажу очевидное?

— **Людам становится легче, когда их собственные мысли разделяет известный писатель.**

— Мне кажется, я их только расстраиваю своими сентенциями...

— **Может быть. Но пока остается надежда быть услышанными, надо говорить...**

— Вот в «Литературной газете» появилась статья Сергея Сергеева «Чего хотят русские?». Статья-вызов! И она требует ответа, потому что затрагивает самый больной вопрос нашей жизни. Мой товарищ, историк, прочитав статью, сказал: «Это вызов нашим властям и обществу!» — «Это пощечина», — сказал я. «Допустим, — сказал он. — Но несвоевременная!» — «Разве такие бывают?» — удивился я. «У нас бывают, — сказал он. — Только у нас и бывают».

Если власть не хочет отвечать на острые вопросы, уводит себя и общество от реальных проблем, она получает то, что получает...

Беседовал Дмитрий КАРАЛИС, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
(Литературная газета 26 октября 2011 г.)

...Добавлю, что Даниил Александрович писал почти до последнего дня своей жизни, и стиль его становился все интереснее и богаче. Автологическая и металогическая манеры письма органично переплетались на странице, классическая скупость текста и роскошная метафора могли тереться смыслами в одном абзаце, электролизуя силлогизмы.

Гранин много читал. Как это ни покажется странным, но на стиль его последних вещей повлияли и Милорад Павич, и Милан Кундера (последнего он называл в числе своих любимых), и Юрий Поляков, чей роман «Любовь в эпоху перемен» Гранин в моем присутствии безжалостно разложил по полочкам в телефонном разговоре с автором.

О стиле и содержании одной из последних книг Даниила Александровича — моя небольшая статья в «Литературной газете» № 7 за 2013 год.

ЗА ВСЕ, ЧТО ИСПЫТАЛ (отзыв на книгу Даниила Гранина «Приговор»)

Любая книга — разговор с читателем. Интонация автора в этом разговоре чаще всего и определяет наше отношение к книге. Мы либо хлопаем дверью-обложкой («Видали мы таких!»), либо устраиваемся поудобней и внимательно вслушиваемся в слова говорящего. И если его речь умна и не банальна, если он без занудства рассуждает на вечные темы или, выхватив из круговорота событий магический кристалл факта, наводит его на прошлое или будущее, то с таким автором-собеседником мы готовы и несколько дней провести, согласно кивая или азартно вскидывая палец: «Нет, не так все было!»

В своей новой книге Даниил Гранин предстает именно таким собеседником — мудрым и веселым, искренним и одновременно загадочным.

Вот Гранин вспоминает приметы жизни 20–30-х годов: булочную с горячими рогаликами, кадушки с творогом в белокафельном магазине, звенящие трамваи, двор-

ников у запертых на ночь ворот, ломовых извозчиков, трубочистов, стекольщиков, хмурых часовщиков с лупами в глазах, штабели дров, сараи, шарманщиков, прачек с красными руками — и едва слышно вздыхает: «Все это исчезло, прочно позабыто, и ни к чему это помнить. Хотя из этого состояла наша жизнь». И сразу вспоминается жанр японской короткой прозы — дзуйхицу, в котором автор записывает все, что приходит ему в голову, не особенно задумываясь о литературности: и мысли, и воспоминания, и сценки, и анекдот, и рассуждения...

Цитата: «Много было всякого, но и много не было всякого. Не было на улице негров, да и вообще иностранцев, они были редкостью, на стендах не клеили газет, газеты не бросали и всяких оберток, кульков, целлофанов — ничего этого не бросали. Прохождение стали другие, мусор стал другой, время-дворник все подмело».

Что это? Вздохи по прошлой жизни, по приметам молодости, по ушедшему времени?

Если бы так.

Не так прост Даниил Александрович, чтобы ограничиться вздохами по ушедшим временам.

«Есть книги особой судьбы. Литературно не бог весть каких достоинств, а то и просто посредственные, однако почему-то они производят волнение в обществе. Все читают их, обсуждают, они будоражат умы, и не одного поколения, так что трудно тут все сводить к моде. Примеров таких в нашей русской литературе несколько. Взять хотя бы „Что делать?“ Чернышевского. Его мы проходили в школе. И Добролюбова проходили. Учили сны Веры Павловны. И то, как Рахметов спал на гвоздях. Школьная программа была следствием того, насколько впечатлил этот роман Россию. Отчасти то же самое вызвал роман Тургенева „Отцы и дети“. Сегодня „Что делать?“ не читается — наивно, беспомощно, скучно.

Были в советской литературе похожие сотрясения, баллов поменьше, но были. Вспоминается „Время, вперед!“ Катаева, „Как закалялась сталь“. <...> Сотрясали поколения не только русские книги. Был для России потрясением „Овод“ Войнич, была „Хижина дяди Тома“. За полтора столетия наберется кардиограмма весьма показательная, как менялись интересы, пристрастия, вкусы общества».

Порассуждал автор о вещах простых и понятных и пошел дальше, а тебя уже тянет «догнать» его и порассуждать о построении графика-кардиограммы по современному срезу литературы, о навязанной читателю «книжной продукции», о спроектированных кумирах и «талантах». И дзуйхицу по Гранину складывается в мозаику с философскими иероглифами — разгадывать их интересно и поучительно.

В своих последних книгах Гранину удается позабавить и себя, и читателя играми со временем. Вот мы входим в абзац, где военная история начинается от первого лица, а через несколько строк заканчивается в третьем лице, и герой-рассказчик уже отстранен за прозрачным инициалом Д., и смотрит на него писатель из дней нынешних. Семьдесят лет изящной спиралью завернуто в одном абзаце!

Кстати, о прожитом времени. «Судьба подарила мне долголетие, — рассуждает Даниил Гранин. — Как я использовал это? В конце жизни, подводя итоги, — доволен. Наверное, довлеет арифметика — мало написал, главного не написал и т. п. Но ведь, кроме стола, была еще жизнь, с дружбой, любовями, путешествиями. Конечно, можно было написать и больше и, может, лучше. Но за счет солнца, моря, смеха...»

Многое хочется выписать из этой книги, процитировать. Собственно, из цитат жизни книга и состоит: истории, неожиданные воспоминания, разговоры, случаи из жизни, рассуждения...

Например, такое. «Очень важно, чтобы литература тревожила человеческую совесть. Литература вообще делится на два типа: одна убаюкивает совесть, а другая ее тревожит. Если литература стремится к нравственному воспитанию людей, она долж-

на совесть тревожить, должна, как говорил Достоевский, „пробить сердце“. И чем благополучнее у человека жизнь, чем она более сытая, тем совершить это труднее».

Или читает Даниил Александрович редчайшую книгу Р. Пихои «Советский Союз: история власти», напечатанную тиражом всего в 100 экземпляров, и удивляется: «Автор возглавлял Архивное управление, ему были доступны самые запретные прежде материалы. Книга была полна для меня открытий». И мы удивляемся вслед за Граниным: «После смерти Сталина, оказывается, первым, кто решился на проведение реформ, был Берия. И каких реформ! <...> Он считал, что все должен решать не ЦК партии, а Совет Министров, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой. Он, например, настоял на том, чтобы на демонстрациях не носили портреты вождей, не украшали ими здания. Кстати, отнюдь не мелочь для того времени, это было покушение на обрядовое почитание, портреты носили как хоругви. Он обратил внимание на фальсификацию „дела врачей“, и „ленинградского дела“, и „дела об убийстве Михоэлса“... Но выводы из удивительного открытия следуют жесткие...

Есть в книге и возвраты к блокаде, к истории написания совместно с А. Адамовичем «Блокадной книги», которая, кстати сказать, была недавно переиздана в бесцензурном варианте. «Оказавшись в той невероятно жестокой ситуации, ленинградцы вели себя именно как ленинградцы — я имею в виду не „географическое“ значение этого слова, а его, так сказать, нравственный смысл. Да, за ними стояли и Пушкин, и Блок, и Глинка, и Чайковский, и все это давало людям новые нравственные силы, когда физических сил уже не оставалось. И то удивительное достоинство, с которым люди умирали, тоже содержит в себе понятие „ленинградец“... Мы с Адамовичем считали, что такие истории должны тревожить человеческую совесть. Жить среди душевного благополучия и безразличия литература не может. К тому же эта работа показала нам, насколько жизнь богаче, сильнее и ярче художественной литературы. Понятие „художественная литература“ употребляю в том смысле, что если бы я писал о блокаде: никогда не смог бы придумать ничего сильнее, чем вот эти безыскусные рассказы, из которых тоже складывается понятие — подвиг Ленинграда».

Книга ласковая, суровая, трогательная, нежная, беспощадная, ее хочется листать, перечитывая главки и отдельные абзацы...

Почему же она названа «Заговор» — по одноименной новелле, рассказывающей о том, как свергали Н. С. Хрущева? Возможно, автор хотел припечатать этим названием всю политику, весьма характерную для нашей жизни со времен Древней Руси. Возможно. Но он оставил для себя и читателя трогательные размышления, названные в книге «Последнее». Они об ответе на вопрос друга, какими бы словами он хотел закончить свой земной путь. «...Ответ был интересен прежде всего мне самому. Они были разные, но все вдруг сошлось в одно: „Спасибо“. За все, что было, за все, что испытал, видел, успел».

Да, упомянутый жанр дзуйхицу предполагает и философско-грустное. Но жизнь и творчество нашего современника, к счастью, продолжают. Будем ждать новых книг — они пишутся.

...Не могу обойти вниманием выступление Даниила Александровича Гранина в бундестаге 27 января 2014 года, в день 70-летия снятия блокады Ленинграда. Я смотрел это выступление в Интернете и едва сдерживал слезы. А потом расплакался и не стыдился слез.

Кто знает, о чем это, поймет.

Приведу лишь один из отзывов в Сети:

«Пожилой человек более 40 минут простоял с тростью, не присел — одно это уже намекает на невероятную силу воли и духа. И послушайте речь! Вот она, русская, без слов-паразитов, без лишних кривляний и пафоса. Спокойная и сильная. Таким людям не нужно ничье сочувствие или жалость. Они просто хотят успеть сказать, что все это было не напрасно. Не предавайте их жертв, не забывайте, ради чего они через все это прошли. А коли не согласны, то просто промолчите».

Закончу кратким сообщением из своей странички на Фейсбуке.

5 июля 2017 г. Умер Даниил Александрович Гранин. Я потрясен! Должен был навестить его в больнице к концу недели, и вот... Светлая память. Мужественный и очень деликатный человек. Мы дружили с ним последние лет двадцать — гуляли, разговаривали на разные темы, иногда вежливо не соглашались друг с другом. Я честно признавался, что люблю его, как отца — он и по возрасту годился мне в отцы, и по судьбе фронтовика. Жаль. Очень жаль. Осталось что-то недосказанное...

Он был военно-историческим консультантом на двух наших фильмах — «Коридоре бессмертия» и документальном — «Блокадная кровь». Совсем недавно мы с режиссером Федором Поповым сидели у него дома и показывали черновой монтаж фильма. Гранин точно и остро комментировал просмотренное. Я фотографировал.

Фото выложу потом как-нибудь.

И строили планы...

А чуть раньше он пригласил меня на церемонию вручения ему Государственной премии в Константиновский дворец. У меня не получалось — должен был отвозить внука в летний детский сад в Комарово. Гранин стал уговаривать и стыдить: вот, дескать, я приглашаю, там будет президент, а ты не можешь, отвези внука в другой день...

На следующий день я одумался и послал свои паспортные данные и номер автомобиля по нужному адресу. Вскоре мне позвонили и сообщили, что уже поздно — не успеть, там крутая проверка.

И я смотрел на встречу Гранина с президентом по ТВ. Его племянница Люся с бокалом шампанского, замечательный поэт Виталий Дмитриев за спиной, Светлана Кармалита с Алексеем-сыном... И больше из писателей-поэтов никого рядом не было.

Через день я позвонил Даниилу Александровичу, поздравил, спросил, как прошла встреча с Путиным, понравилось ли общение. Гранин сказал, что встреча понравилась, он себе сам не понравился — был какой-то вялый и несобранный, плохо говорил. А говорил он в ответном слове о том, что человек обязательно должен состояться, найти себя, только тогда он счастлив...

Гранин состоялся. И был счастливым человеком. Он говорил, что надо радоваться каждому прожитому дню, и радовался...

Вечная память!